

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
Бабоши Ивана Александровича на тему:
«Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской
заграничной агентуры»
по специальности 5.6.2. Всеобщая история**

В своей последней монографии «Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х гг.» (2017) видный отечественный историк-полонист Светлана Михайловна Фалькович констатировала, что польская политическая эмиграция в нашей историографии «русской и советской /.../ оказалась недостаточно исследованной» (С. 12). При этом с полным на то основанием подчеркнув, что «исследование этого феномена имеет не только методологическое значение, но и весьма важно для изучения истории России середины XIX в.» (С. 12).

Прошло сравнительно немного времени и на защиту вынесена диссертация, посвященная не просто польской политической эмиграции, не избалованной вниманием предшествующего поколения отечественных историков, а изучению этого феномена с позиций, по выражению диссертанта, ее врагов – «российского самодержавия и заграничной агентуры на его службе» (с. 7). Иными словами, избранная И.А. Бабошей тема исследования, безусловно, актуальна, а предложенный диссертантом ракурс исследования польской политической эмиграции отличает

несомненная для литературы вопроса новизна. Следует согласиться с утверждением диссертанта, что в российской и польской историографии до сих пор отсутствовали «исследования, в которых бы комплексно изучалось влияние польской эмиграции 1830–1870-х гг. на эволюцию системы заграничного надзора Российской империи» (с. 6).

Диссертант при этом акцентировал, что: «Изучение проблематики данного исследования также представляет ценность для развития целого ряда направлений исторической науки» (с. 7), среди которых он выделил, прежде всего, «историю политических эмиграций и революционных движений, историю спецслужб, национальной и внешней политики, а также международных отношений, поскольку активность польской эмиграции затрагивала интересы разных европейских держав» (с. 7). Пожалуй, справедливо. Однако трудно не отметить, что различные исследовательские направления (в современной историографии особенно) настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, настолько подвержены пересечениям, взаимному обогащению и развитию, что фокусировать очевидное в данном случае кажется несколько излишним.

Акцент скорее следует делать на том, что диссертантом было сказано сразу, и подтверждено в подразделе Введения «Новизна»: «В работе впервые в отечественной и зарубежной историографии представлен комплексный анализ истории польской политической эмиграции 1830–1870-х гг. в контексте деятельности российского заграничного сыска и международных отношений той эпохи» (с. 90). Отдельной строкой – что касается новизны – необходимо отметить введение в научный оборот ряда документов из фондов ГА РФ (Ф. 109).

Методологическая база диссертации И.А. Бабоши весьма основательна, диссертант знает толк в используемых им методах исторического исследования. Однако если в ходе обоснования традиционных методов исторического исследования он остается в

пределах достаточной, даже исчерпывающей, аргументации в пользу историко-генетического, историко-сравнительного либо историко-типологического методов, применяемых к конкретным сюжетам своего исследования, то когда дело доходит до характеристики междисциплинарных подходов, диссертант несколько увлекается экскурсами в историю «новой имперской истории» или «историко-политической антропологии».

Говоря о преимуществах «новой имперской истории», диссертантом специально подчеркнуто, что этому течению современной историографии удалось избавиться «от двух крайностей традиционной позитивистской историографии», а именно: «от рассмотрения истории империй без учета региональной специфики», и «от сведения всего многообразия имперского опыта к освободительной борьбе национальных окраин против “гнета” центральных властей» (с. 21). Столь лапидарные формулировки – явное упрощение сложных проблем, способное вызвать немало вопросов. История каких империй подразумевается? Можно ли считать, что создатели истории Римской империи не учитывали региональной специфики? Есть ли уверенность в том, что до «новой имперской истории» всё многообразие имперского опыта (каких именно империй и в какой период существования?) сводилось к освободительной борьбе национальных окраин против «гнета» центральных властей? Значит ли это, что из многообразия имперского опыта Габсбургов следовало бы изъять, например, восстание чешских сословий «в бурные 1546 и 1547 годы», детально описанное Сикстом из Оттерсдорфа? (Ведь если уж говорить об истории империй, вряд ли ее можно ограничивать лишь XIX столетием).

Так или иначе, цель своего диссертационного исследования И.А. Бабоша видел в том, чтобы «проследить эволюцию деятельности польской эмиграции 1830–1870-х гг. в контексте развития российской системы заграничного агентурного надзора» (с. 15). В соответствии с поставленной

целью «особое внимание» автором было уделено деятельности двух, по его словам, «наиболее выдающихся заграничных сотрудников рассматриваемой эпохи – русского аристократа-литератора Якова Николаевича Толстого и мелкого польского шляхтича Юлиана Александра Балашевича» (с. 12). Не умаляя значения деятельности этих важных персонажей, всесторонне проанализированной диссертантом под углом зрения избранной проблематики, возникает вопрос, достаточно ли репрезентативна такая выборка для того, чтобы (читаем на с. 12) «наглядно проследить своеобразную эволюцию агентуры III отделения и методов ее работы»? Справедливости ради надо сказать, что, несмотря на то, что диссертант заявил о своей сосредоточенности на двух этих фигурах, в диссертации нашлось место большему числу действовавших на благо самодержавной власти – и против польской политической эмиграции – агентов.

Следует признать, что сформулированные диссертантом задачи (с. 15-16), необходимые для достижения поставленной цели, свидетельствуют о глубоком знании автором предмета своего исследования и, что существенно, осознании дальнейших перспектив разрабатываемой им проблематики. Степень обоснованности Положений, выносимых на защиту (с. 16-19), в целом сомнений не вызывает. Развернутые формулировки восьми пунктов положений представляют собой объемную картину интенсивной работы польских политических эмигрантов, развивавшейся под неусыпным оком заграничной агентуры III отделения. Несогласие вызывают разве что некоторые, не самые удачные выражения: как, например, «задача немедленной организации вооруженного восстания в польских землях» (п. 4 Положений, с. 16); учитывая цели вооруженного восстания – восстановление независимости, вряд ли оно могло быть организовано – немедленно, даже если бы за дело взялись радикально настроенные революционно-демократические группировки.

Памятуя о вынесенном С.М. Фалькович вердикте, что в отечественной историографии польская политическая эмиграция оказалась недостаточно исследованной, «Степени изученности проблемы» как составной части Введения диссертации была уготована особая роль. Ожидания вполне оправдались, и не только за счет объема (с. 25-76).

Разделение всей историографии (отечественной и преимущественно, но не только, польской) на две группы (с. 25-51, с. 51-76) представляется обоснованным. В первую группу диссертант включил «историографию российской политической полиции и российской политики на территории Царства Польского и Западного края Российской империи, труды о внешней политике России и ее отношениях с западными странами» (с. 25-51), а во вторую – историографию «собственно польской эмиграции, польского национального и российского революционного движений, а также российско-польских революционных связей XIX в.» (с. 25). Своим историографическим обзором И.А. Бабоша продемонстрировал превосходное знание литературы, стремясь не упустить ни одной детали, прямо или косвенно имеющей отношение к теме. Лишь один пример: обратившись к монографии видного польского историографа Анджея Феликса Грабского, «посвященной связям И. Лелевеля с немецкими революционными демократами», диссертант не прошел мимо того, что там «поднимается также вопрос о полицейском наблюдении за этим деятелем со стороны заграничных агентур России, Австрии, Пруссии и западных держав» (с. 60)...

Безусловным достоинством диссертации И.А. Бабоши является то, что каждую из трех ее глав (где вторая и третья соперничают между собой по значимости) вершит перечень конкретных выводов, причем, что важно, эти выводы по главам (после первой самые компактные) не дублируются в Заключение диссертации. В целом, выводы, к которым приходит И.А.

Бабоша в результате кропотливого исследования, следует признать весомыми, достоверными и обоснованными.

Но что обращает на себя внимание и вызывает не столько вопросы, сколько возражения, так это структура диссертации. Трудно не заметить, что содержательный историографический обзор (как часть Введения) по листажу более чем в два раза превышает объем Главы 1, разделенной на три параграфа и посвященной становлению системы заграничного агентурного надзора над политическими эмигрантами (с. 92-113). Без малого 90 страниц Введения – явление редкое. Разумеется, сложно соблюсти рамки, если исследовательское поле – как его видит и оценивает диссертант – столь обширно. Диссертанту это, конечно, плюс. Не исключено, что возникшего структурного дисбаланса можно было бы избежать, если бы историография составила отдельную главу, – мастерски подготовленная И.А. Бабошей, она бы вполне того заслуживала.

Немало места во Введении диссертант отвел терминологии (с. 7-11), хотя, казалось бы, часть пояснений можно было смело отправить в примечания, часть – в миниатюрную Главу 1, либо рассредоточить по тексту. Легкое перо И.А. Бабоши без труда бы с этим справилось.

Свободное владение автором литературой предмета, его неотступное следование за источником превратило насыщенную событиями, фактами, персонажами диссертацию в увлекательное повествование. Правда, остается неясным, почему «национально-освободительная» борьба (с. 55, 62) и «национально-освободительная» проблематика (с. 53) заключены в кавычки. В рубрике «Терминология исследования» «национально-освободительная» дается в кавычках, разъясняя само понятие, в основном тексте кавычки несут смысловую нагрузку, обнаруживая восприятие автором того или иного явления. К слову сказать, национальные движения (с. 56), польское национальное движение (с. 168, 169) от кавычек свободны.

Еще большее недоумение вызывает закавыченная «Великая эмиграция» (с. 5, 64, 65, др.), а также «царизм» (с. 65), «славянская» проблематика и «славянская» тема (с. 65, 66). Дело здесь не во вкусе: злоупотребление кавычками способно не только сбить с толку, оно позволяет усомниться в адекватном (пусть условно) понимании автором терминов, которые он многократно использует. Зато без кавычек диссертант пишет, например, о том, что: «Австрийское правительство спровоцировало классовый конфликт» (с. 150), или о том, что: «государственная власть должна поддерживать мир между классами и сословиями» (с. 150).

Не буду множить подобные примеры, в конце концов, это мелочи. Важнее другое, то, на чем строится солидное исследование И.А. Бабоши, а именно – хронология Великой эмиграции. В самом начале диссертации автор пишет, что: «Польская политическая эмиграция 1830–1870-х гг. образовалась в результате поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском против Российской империи» (с. 4). Общеизвестно, к Великой эмиграции привело поражение Ноябрьского восстания. Эмиграционные волны имели место и позднее, но их масштаб и значение трудно сравнивать с Великой эмиграцией. «Эмиграция после Ноябрьского восстания (*polistopadowa*), единственная в истории Польши, была признана Великой» (Анджей Хвальба). Это не новость, это классика. Продление хронологической границы до 1870-х гг. способно лишить оба Великих польских восстания XIX в. характерных черт и отличительных особенностей, затушевать тот факт, что Ноябрьское восстание, по сути, было русско-польской войной. Если Великая эмиграция, то до Январского восстания, максимум – включая 1864 г.

Понятно, что русский компонент, включенный в контекст истории польской политической эмиграции, как говорится, продиктовал внесение коррективов, но поскольку Великая эмиграция – сугубо польская судьба,

представляется более логичным придерживаться польской хронологии либо усилить доказательную базу собственной версии, одновременно избегая посягательств на традиционную.

Вместе с тем, не вызывает сомнений, что содержание диссертации в полной мере соответствует специальности 5.6.2 Всеобщая история, а именно следующим ее направлениям – Политическая власть в истории; Государство, политика и человек; История государства и его институтов; Личность в истории; Государство и общество; Человек в истории. Здесь следует особо подчеркнуть, что диссертанту вообще свойственно видеть в череде бурных событий Человека, в том числе «маленького человека» (с. 6, 7) (стоящего перед жизненным выбором в большой истории), как и выходить за установленные границы и рамки. Плодотворные наблюдения над своеобразными русско-польскими контактами (если допустимо так охарактеризовать противостояние польской политической эмиграции и заграничного сыска) позволили диссертанту открыть, что называется, истинное лицо польской эмиграции, которая, по его выражению, «была не послушной марионеткой тех или иных политических сил, а непредсказуемой стихией» (с. 293).

Еще раз подчеркну, что указанные замечания ни в коей мере не умаляют значимости представленного на защиту диссертационного исследования. Диссертация И.А. Бабоши отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание

ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Бабоша Иван Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт славяноведения РАН,
Отдел истории славянских народов Центральной Европы в Новое время
(Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи)

Аржакова Лариса Михайловна

18 марта 2025 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического
исследования

Адрес места работы:

119334, г. Москва, Ленинский пр., 32-А

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
славяноведения Российской академии наук, Отдел истории славянских
народов Центральной Европы в Новое время (Центр по изучению истории
многонациональной Австрийской империи)